

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

© Е.Н. ЯРКОВА

fellowsoldier86@mail.ru

УДК 316.4

МЕХАНИЗМЫ САМООРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА И КУЛЬТУРЫ: ОТ ПРОШЛОГО К БУДУЩЕМУ

АННОТАЦИЯ. В статье представлены и проанализированы механизмы социокультурной динамики. В качестве методологической основы исследования выступает теория самоорганизации.

SUMMARY. This article presents and analyses the mechanisms of socio-cultural dynamics. As a methodological framework study supports theory of self-organization.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Общество, культура, динамика, самоорганизация.

KEY WORDS. Society, culture, evolution, self-organization.

Отправным тезисом рассуждений о механизмах самоорганизации общества и культуры является положение о нестабильности мира, который, претерпевая непрерывные изменения, эволюционирует ко все более высоким формам сложности, наращивая внутреннее разнообразие элементов. Ученые утверждают, что развитие Вселенной не сводится к монотонному повторению одного и того же, оно есть разомкнутый, устремленный в бесконечность процесс [1]. Существовать в постоянно изменяющемся мире способно лишь человечество, не впадающее в состояние «футурошока» [2] — ошеломляющей растерянности, вызванной стремительным темпом перемен, активно реагирующее на такого рода перемены, соответственно, постоянно формирующее новые, отвечающие сложившейся сложности и разнообразию мира стратегии жизнедеятельности.

Вместе с тем переход от устаревших, контрпродуктивных стратегий жизнедеятельности к новым, более эффективным, чрезвычайно сложен, проблематичен, диалектически противоречив. В его рамках сталкиваются два разнонаправленных процесса. Во-первых, это процесс дифференциации, связанный с бесконечным ростом многообразия форм социокультурного бытия, соответственно, с рождением инноваций. Во-вторых, это процесс интеграции, связанный со стремлением к систематизации, структуризации сложившегося многообразия, соответственно, с формированием традиций. Оба процесса, взятые в отрыве друг от друга, деструктивны. Механизм самоорганизации общества в идеале может быть представлен как диалектическое единство и борьба противоположных процессов — дифференциации и интеграции, где нет и не может быть приоритетов, существует лишь паритетное взаимодействие центробежных и центростреми-

тельных сил. Однако социальная практика демонстрирует, что на деле все обстоит не столь идеально, что возможны не только диалектические, но и иные — метафизические способы взаимодействия дифференционных и интеграционных процессов самоорганизации общества и культуры.

В частности, исторически наиболее ранним механизмом социокультурной самоорганизации было горизонтальное сочетание дифференционных и интеграционных процессов — структура социокультурной динамики являла собой периодическое чередование процессов интеграции и дифференциации, господства традиции и инновационных прорывов. Такой дискретный, конфликтно-революционный путь развития был обусловлен приоритетом интеграционных процессов, приматом традиции. Следовательно, дифференционные процессы играли второстепенную роль, инновация квалифицировалась как деструктивная, подлежащая табуированию сила. Инновационные прорывы возникали в результате неизбежных в условиях существования человека в изменяющемся мире кризисов традиционных стратегий жизнедеятельности. Однако отчуждение от сложившихся традиций не означало отказа от традиционного стиля мышления, вследствие чего инновационный прорыв, в конечном счете, оборачивался вытеснением старых традиций и фиксацией новых, не менее строгих и общеобязательных. Основной механизм такого типа социокультурной самоорганизации, пользуясь терминологией Н.И. Лапина, можно назвать «традиционализацией». Последняя определяется исследователем как «конституциализация традиций и других элементов культуры и социальной структуры, которые обеспечивают приоритет предписанных норм и правил поведения субъектов (традиционных действий) по сравнению с возможностями инновационных их действий» [3; 7]. Традиционализация — определенный тип мировоззрения, основание которого составляет взгляд на мир как не подлежащее изменению условие жизни человека. Такого рода мировосприятие формируется в эпоху собирательства и охоты и сохраняется на протяжении длительного периода господства аграрной традиционной цивилизации. Объективная зависимость человека от природной среды обусловила его отношение к природе с суеверным страхом как объекту благоговения и религиозного поклонения. Традиционалистская стратегия бытия — это стратегия приспособления к природному порядку, который сакрализуется и предстает как незыблемый божественный или космический закон. Традиционализм — определенная нравственная позиция, тип нравственности, основой которой является постоянная апелляция к авторитету традиции, следовательно, отчуждение от имманентных, относительных, профанных, посторонних смыслов бытия и партиципация к трансцендентным, абсолютным, сакральным, потусторонним смыслам. Присущая традиционной нравственности акцентуация должного и нивелирование сущего, внешняя заданность нравственных норм, рождают такой феномен, как догматизм, утверждающий в качестве нормы жизнедеятельности ритуализированное поведение. Фундированность традиционной нравственности в абсолютном определяет главенство эссенциалистской парадигмы, суть которой заключается в приоритете сущности человека над его существованием. Это нравственность самоотречения единичного во имя всеобщего, подчинения части целому, идеалов холизма. Носителем традиционной нравственности является индивид, для которого родовые качества человека представляются всегда более важными, нежели индивидуальные.

Традиционный тип нравственности санкционирует особый тип воспроизводственной деятельности — простое воспроизводство, нацеливающее на воссоздание культуры и общества в константном состоянии. Утверждение традиционализации как стратегии социокультурного бытия на исторически ранних этапах развития культуры и общества было обусловлено многими причинами: господством монологической, склонной к смысловым крайностям, инверсионной логики, неспособностью к синтезу, диалогу различных смыслов, отсутствием рефлексии. Опора на традиционализацию в значительной степени была связана с присущим человеку консерватизмом. Страх потери накопленного культурного опыта — сформированных путем длительных поисков, проб и ошибок стратегий бытия — приводил к сакрализации этого опыта, его деонтологизации, превращению в не подлежащие изменению нормативы жизнедеятельности — обычаи, ритуалы.

Традиционализация — древнейшая стратегия социокультурного бытия, тем не менее не единственная и далеко не безупречная. Более совершенным представляется механизм вертикального соединения двух процессов — интеграции и дифференциации, их диалектики, диалога. Конфликтно-инверсионный стиль мышления нивелируется посредством развития рефлексии, медиации, синтезирующей противоположные смыслы диалогической логики; консерватизм преодолевается в результате развития способности аккумулировать, но не отторгать инновации. Н.И. Лапин обозначает такой тип социокультурной самоорганизации как «либерализацию», трактуемую им как «расширение свободы выбора и ответственности субъектов, увеличение возможностей для инновационных целерациональных действий путем дифференциации структуры общества, возникновения и включения в нее новых интегрирующих элементов, в соответствии с усложнением личности, возвышением ее потребностей и способностей» [3; 7]. В значительной мере либерализация актуализируется вследствие реакции общества и культуры на усложнение мира, на ускорение темпа его перемен, как отклик на кризис конфликтно-инверсионных стратегий бытия, как результат развития рефлексии, самосознания, превращения саморазвития в стратегию человеческой деятельности. Либерализация — это новая форма мировоззрения, складывающаяся на основе восприятия мира как высшей ценности и цели существования человека. Основу такого рода мировосприятия составляет креативный тип нравственности. Креативная нравственность характеризуется полаганием в качестве высшего блага творчества, которое реализуется посредством охраны и творческого созидания мира, осуществляемого в соответствии с пониманием его сущности, законов. Основу креативной нравственности составляет принцип саморазвития, т.е. принцип созидания стратегий социокультурной самоорганизации на основе анализа и синтеза различных сфер реальности — природы, общества, культуры. Креативная нравственность формируется в результате синтеза сложившихся трансцендентных и имманентных, абсолютных и относительных, сакральных и профанных, потусторонних и посюсторонних, единичных и всеобщих смыслов бытия. В подобном толковании нравственные нормы предстают как продукт рефлексии человека, в рамках которой устанавливается диалог между должными и сущим, идеальной нормой и практикой. Философский базис креативной нравственности составляет экзистенциальная парадигма, поворот к которой означает отчуждение субъекта от готовых,

заданных смыслов существования и поворот к обретению аутентичности — самости. Субъектом такого рода поиска собственной смысловой самости всегда является личность. Утверждение идеи нравственной автономии личности влечет отчуждение как от холистских, так и от индивидуалистских идеалов — социальное бытие личности являет собой постоянное напряжение между коллективистскими и индивидуалистскими его аспектами. Креативный тип нравственности продуцирует стратегии расширенного воспроизводства культуры и общества. В рамках креативизма преодолевается типичная для традиционализации дискретность самоорганизации общества и культуры, прерывистость его инновационной динамики, развитие превращается в непрерывный процесс осовременивания, обновления, регенерации общества и культуры, что отличает креативизацию как открытую форму социального бытия от традиционализации как закрытой его формы.

Становление креативизма осуществляется отнюдь не машинально. Переход от закрытой традиционалистской стратегии самоорганизации к открытой креативной равнозначен радикальному преображению человека, его перерождению из покорного исполнителя в активного деятеля, для которого саморазвитие, самообновление и есть способ бытия в мире. Переход от традиционализма к креативизму становится возможным, если в обществе имеются определенные предпосылки, если существуют прецеденты нарушения принципа подчинения авторитету традиции, если имеются зачатки критики традиционного должного, если нарастает конфликт традиционного должного и повседневного сущего. Важнейшим фактором, инициирующим отчуждение от принципа авторитаризма традиционализма и партиципацию к принципу саморазвития креативизма, является утилитаризм, утилитарное отношение к миру как набору реальных или потенциальных средств.

Утилитаризм выступает как антипод традиционализма. Утилитарная нравственная культура полагает в качестве высшего блага пользу человека, общества. Показательно, что равнозначным понятию «польза» в утилитаристском дискурсе выступает понятие «интерес». Ключевая идея утилитаризма — идея возведения материального и социального благополучия человека, общества в статус высшего блага. Теоретик утилитаризма И. Бентам писал по этому поводу: «Для сторонника принципа пользы добродетель является благом только ввиду удовольствий, которые из нее проистекают; порок есть зло только вследствие страданий, которые сопровождают его. Нравственное благо есть благо только вследствие своей способности производить физические блага; нравственное зло только по своей способности производить зло физическое» [4]. Утилитаризм характеризует обращение к имманентным, профанным, относительным, посюсторонним смыслам бытия. Ключевой его интенцией можно считать отказ от абсолютизации каких бы то ни было смыслов — польза человека, так же как и польза общества — понятия относительные, поэтому и сам утилитаризм синонимичен релятивизму. Утилитаристский моральный закон находит выражение в краткой, но емкой максиме — «нравственно то, что приносит максимальную пользу и удовольствие человеку и, соответственно, обществу». Таким образом, утилитаристское должное зависимо от сущего, практика определяет содержание нравственных норм. Правила поведения попадают в зависимость от ситуационной пользы, поэтому приобретают изменчивое содержание. В рам-

ках утилитаризма появляются первые ростки экзистенциалистского представления о приоритете существования человека над его сущностью. Симптоматично в этой связи, что Дж.Дж. Смарт интерпретирует принцип пользы как принцип индивидуального поведения [5].

Вместе с тем идеал подлинной свободы для утилитаризма недостижим — идея творчества, саморазвития для утилитаризма не является актуальной, ему присуща нацеленность на полезное изобретательство, социальную инженерию. Соответственно в утилитарном смысловом пространстве отсутствует ценность творческой личности, т.е. субъекта творчества. Утилитаризм может приобретать коллективистские или индивидуалистские формы, но неотъемлемым его элементом является эгоцентризм, который может отливаться как в индивидуалистские, так и в групповые формы. В рамках утилитаризма происходит переориентация общества и культуры от простого воспроизводства к расширенному. Присущее утилитаризму выдвигание на передний план в системе жизненных ориентиров человеческой пользы нацеливает на умножение материального и социального благосостояния, становится движителем его внутренней динамики. А. Ахиезер выделяет две формы утилитаризма — умеренную и развитую [6; 520-527]. В рамках умеренного — экстенсивного — утилитаризма проблема расширения объема благ решается за счет присвоения уже созданных, существующих благ, технологий благопроизводства. Характерное для этой формы утилитаризма потребительское отношение к миру нацеливает на захват, кражу, уравнилельное перераспределение уже имеющихся благ. В культурно-историческом плане присущая умеренному утилитаризму стратегия заимствования различного рода технологий рождает такой феномен как «догоняющая» модернизация. Такого рода модернизация всегда носит поверхностный характер. Ставка на использование готовых, созданных иными народами, государствами средств благопроизводства в конечном счете ведет к острому противоречию между растущими потребностями в новых благах и отсутствием навыков создания технологий благопроизводства. Таким образом, умеренный утилитаризм не формирует условий изменения традиционалистской минималистской этики труда, характеризующейся недоиспользованием рабочей силы и ресурсов. Развитой — интенсивный — утилитаризм выдвигает идею увеличения объема благ за счет повышения эффективности средств благопроизводства, формирования инновационных технологий производства. Развитой утилитаризм можно квалифицировать как дух зрелого производительного предпринимательства, связанного повышенной потребностью в достижении, не имеющего ничего общего с простой жадной обогащением. Развитой утилитаризм является нравственным стержнем максималистской этики труда, под его влиянием происходит переход от простого к расширенному типу общественного воспроизводства. Соответственно эта форма утилитаризма нацеливает общество на автохтонную модернизацию, т.е. модернизацию на основе активизации внутренних резервов общества культуры. Развитой утилитаризм можно рассматривать как предшественника креативизма.

Итак, самоорганизация общества и культуры в плане идеального обобщения может быть представлена как движение от традиционализма через утилитаризм к креативизму. Утилитаризм в таком прочтении предстает, с одной стороны, как область критики традиционализма, с другой стороны — как сила, действие ко-

торой влечет девальвацию традиционализма и становление креативизма. Вместе с тем срединное положение утилитаризма в типологической триаде стратегий самоорганизации общества и культуры условно. На самом деле его можно трактовать как один из наиболее ранних смыслов культуры-нравственности.

Рождение общества, культуры как некий однократный артеакт и как совокупность постоянно осуществляющихся в обществе артеактов с неизбежностью включает некий исходный, условно говоря, утилитарный инкубационный период, когда поиск новых стратегий жизнедеятельности получает первостепенную значимость. Актуализация утилитарного отношения к миру как средству происходит в результате разных причин — острого дефицита средств жизнеобеспечения, исчерпания тех или иных жизненно необходимых ресурсов, демонстрационного эффекта и т.д., вследствие чего, условно говоря, формируется «социальный заказ» на новые технологии, а также выявляются их «заказчики» и «исполнители» [7; 30]. Наиболее эффективные продукты изобретательской, инновационной деятельности последних накапливаются в качестве социокультурного опыта. Обобщение и сублимация этого опыта ведет к формированию ценностей и смыслов, которые, подкрепляясь онтологическими объяснительными конструкциями, складываются в целостную мировоззренческую систему. Таким образом, новые ценности и смыслы рождаются как продукт сублимации, обобщения и упорядочения стратегий жизнедеятельности, сформированных под явным и скрытым влиянием утилитаризма.

Вместе с тем между опытом культуры, упорядоченным как ценностно-смысловая система, и утилитаризмом, некогда стоявшим у истоков этой системы, постоянно существует некое противостояние. Вечно чуткий к изменениям мира, отвергающий любые авторитеты, кроме пользы, утилитаризм вносит поправки в существующий опыт, тем самым, с одной стороны, наращивая его объем, с другой — постепенно расшатывая его структурное единство. Следствием влияния утилитаризма становится необходимость реконструкции опыта, поиска новых, отвечающих сложившейся сложности накопленной информации упорядочивающих идей, новой системы ценностей. Необходимо отметить, что отношения опыта как традиции и утилитаризма как механизма притяжения инноваций в процессе социокультурного развития претерпевают значительные изменения. В рамках традиционализма, являющего собой образец культуры «закрытого» типа, опыт — традиция играет главную роль, тогда как утилитаризму отведены второстепенные эпизодические роли. Однако такое распределение ролей изменяется по мере внутреннего качественного роста утилитаризма. Актуализация утилитаризма на фоне традиционализма означает, по сути, рождение нового образа должного, который, не исключая старого, традиционного, существует в качестве второго плана культуры. Этот феномен уже был описан нами как раздвоения смыслового вектора культуры, одна часть которого по-прежнему остается устремленной к традиционным абсолютным, трансцендентным смыслам, а другая поворачивается к утилитарным, относительным, имманентным. В итоге в культуре одновременно существуют два вида должного, задающие двойной стандарт поведения: по правилам традиционализма и по правилам утилитаризма. Утилитарная альтернатива должного первоначально существует на полулегальном положении как второстепенное должное, «здравый смысл», «житейская мудрость», «низкие истины», однако уже на этом

отрезке развития культуры утилитаризм лишает традиционные моральные нормы абсолютного авторитета, катализирует их нарушение во имя практически более эффективных утилитарных стратегий деятельности. Таким образом, в культуре появляются прецеденты отступления от традиции, что может проявляться в мелочах, в незначительных отходах от ритуала, обычая во имя выгоды, удовольствия. Такого рода отступления от традиции, аккумулируясь, создают условия для роста утилитаризма, последний тем временем изнутри разъедает традиционализм [8; 93]. Переход утилитаризма от умеренной формы к развитой, от экстенсивной его разновидности к интенсивной прямо пропорционален девальвации традиционализма. Этот встречный процесс приводит к тому, что на определенном его этапе утилитаризм и традиционализм выступают уже на паритетных началах. Возникает противостояние двух типов должного — традиционного и утилитарного. Участь креативизма решается в этот драматический момент, когда возникает необходимость снятия сложившегося ценностно-смыслового противоречия. Снятие-синтез влечет становление креативной нравственности. Нравственность креативизма ассимилирует как традиционные, так и утилитарные ценности, преодолевая их ограниченность, делает их элементами самоорганизации общества и культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пригожин И., Стенгерс И. *Время, хаос, квант*. Пер. с англ. М., 1999.
2. Тоффлер А. *Футурошок*. СПб., 1997. С. 94.
3. Лапин Н.И. Проблема социокультурной трансформации // *Вопросы философии*. 2000. № 6.
4. Бентам И. *Принципы законодательства*. Пер. с англ. М., 1896. С. 4.
5. Smart, J.J. *Williams Utilitarianism for and against*. Cambridge University Press, 1973.
6. Ахиезер А.С. *Россия: критика исторического опыта*. (Социокультурная динамика России). Т. 2. Теория и методология. Словарь. Новосибирск, 1998.
7. Флиер А.Я. *Культурогенез*. М., 1995.
8. Яркова Е.Н. Утилитаризм как стимул самоорганизации культуры и общества // *Общественные науки и современность*. 2002. №2